

УДК 882 Жуковский

Э.М. Жиликова

ПИСЬМА В.А. ЖУКОВСКОГО К А.В. НИКИТЕНКО

Впервые публикуются девять писем В.А. Жуковского к А.В. Никитенко, хранящиеся в Отделе рукописей Пушкинского Дома. Письма связаны с историей посмертного издания сочинений А.С. Пушкина, с созданием антологии «Библиотека сказок» в переводе А.П. Елагиной и А.П. Зонтаг, а также с участием Жуковского в освобождении родственников Никитенко из крепостного состояния. В статье дается историко-культурный комментарий писем.

Ключевые слова: эпистолярный В.А. Жуковского, А.В. Никитенко, посмертное издание сочинений А.С. Пушкина.

Девять ранее не публиковавшихся писем В.А. Жуковского к А.В. Никитенко, ныне хранящихся в Отделе рукописей Института русской литературы [1], охватывают период с весны 1837 г. по весну 1841 г. Содержание писем, по форме более напоминающих деловые записки, дополняет уже известный по «Дневнику» Никитенко [2] материал о взаимоотношениях двух деятелей русской культуры и дает представление о напряженном и ответственном характере их сотрудничества, связанного с важнейшими вопросами как русской литературы, так и личной жизни.

Александр Васильевич Никитенко (1804–1877) – ученик А.И. Галича, литературный критик, профессор русской словесности Петербургского университета, академик, цензор (с 1833 г.), автор «Дневника», запечатлевшего эпоху развития русской культуры 1830–1870-х гг. Его перу принадлежат теоретические работы по эстетике и истории русской литературы, в том числе статьи о К.Н. Батюшкове и В.А. Жуковском.

Шесть из девяти писем связаны с посмертным изданием сочинений А.С. Пушкина, осуществлявшемся в 1837–1842 гг. при непосредственном участии и руководстве Жуковского. Цензором этого издания по желанию и инициативе Жуковского был назначен Никитенко. Об этом свидетельствуют материалы переписки Жуковского с императором Николаем I, с главой С.-Петербургского цензурного комитета кн. М.А. Дундуковым-Корсаковым, а также дневниковые записи Никитенко.

Материалы «Дневника» показывают, насколько глубоко Никитенко осознавал масштаб личности А.С. Пушкина и его значение для русской культуры и общества. Сообщение о смерти поэта отодвинуло в сторону все ранее обсуждавшиеся Никитенко вопросы, включая и критическое замечание в адрес Пушкина, когда отказ от назначения цензором пушкинского «Современника» он объяснил тем, что «с Пушкиным слишком тяжело иметь дело» [2. Т. 1. С. 180]. Страницы «Дневника» с 29 января по 14 февраля 1837 г. заполнены исключительно информацией о дуэли и гибели Пушкина. 21 января 1837 г. Никитенко записывает, что вечером этого дня видел Пушкина у П.А. Плетнева; приводит слова, сказанные поэтом о том, «что историю Петра пока нельзя

писать, то есть ее не позволят печатать» [2. Т. 1. С. 193]. А через 8 дней, 29 января, Никитенко пишет о «важном и в высшей степени печальном происшествии для нашей литературы: Пушкин умер сегодня от раны, полученной на дуэли» [2. Т. 1. С. 194]. Записи последующих дней исполнены скорбью и посвящены описанию обстоятельств гибели «бедного Пушкина» от руки «пустого человека» [2. Т. 1. С. 194], о «народных похоронах», о поведении министра народного просвещения С.С. Уварова, санкционировавшего «предписание председателю цензурного комитета не позволять ничего печатать о Пушкине, не предоставив сначала статьи ему или министру» [2. Т. 1. С. 195]. 12 февраля Никитенко со скорбью записывает «сведения о последних минутах Пушкина» и о «тайком» отправленном из Петербурга гробе с телом поэта в сопровождении трех жандармов [2. Т. 1. С. 197].

Запись от 22 февраля (понедельник) 1837 г. в «Дневнике» начинается большая тема, ставшая историей посмертного издания сочинений Пушкина: «Был у Жуковского. Он показывал мне «Бориса Годунова» Пушкина в рукописи, с цензурою Государя. Много им вычеркнуто. Вот почему печатный «Годунов» кажется неполным, почему в нем столько пробелов, заставляющих иных критиков говорить, что пьеса эта – только собрание отрывков. Видел я также резолюцию Государя насчет нового издания сочинений Пушкина. Там сказано: «Согласен, но с тем, чтобы все найденное мною неприличным в изданных уже сочинениях было исключено, а чтобы не напечатанные еще сочинения были строго рассмотрены» [2. Т. 1. С. 198].

Судя по этой записи, Жуковский относился к Никитенко с большим доверием, поскольку еще до окончания разбора пушкинских бумаг (т.е. до 25 февраля) и до официального решения государя и указаний министра просвещения С.С. Уварова он по всем вопросам издания вводил будущего цензора в святая святых – показывал Никитенко пушкинские рукописи и тем самым готовил его к гражданскому подвигу – работе над изданием сочинений поэта. Последующие события показали единодушие Жуковского и Никитенко в вопросах сохранения пушкинского наследия. 24 марта председатель С.-Петербургского цензурного комитета кн. М.А. Дундуков-Корсаков отправил донесение Уварову о назначении А.В. Никитенко цензором издания. Однако Уваров 27 марта предписал «для рассмотрения полного издания сочинений покойного Пушкина назначить двух цензоров, т.е. гг. Никитенко и Крылова», которого Никитенко в своем Дневнике называет «самым трусливым, а следовательно, и самым строгим из нашей братии» [2. Т. 1. С. 180]. Это распоряжение с требованием подвергнуть строгой цензуре «и все доселе уже напечатанные сочинения поэта» [2. Т. 1. С. 198] было зачитано кн. Дундуковым-Корсаковым на заседании Комитета и вызвало сопротивление со стороны Никитенко: «*Март 30.* Сегодня держал крепкий бой с председателем цензурного комитета, князем Дундуковым-Корсаковым, за сочинения Пушкина, цензором которых я назначен» [2. Т. 1. С. 198].

Никитенко высказался в защиту неприкосновенности со стороны цензуры уже опубликованных пушкинских сочинений и в качестве аргумента привел довод: «Вся Россия знает наизусть сочинения Пушкина, которые выдержали несколько изданий и все напечатаны с высочайшего соизволения. Не значит ли это обратить особенное внимание публики на те места, которые будут вы-

пущены: она вознегодует и тем усерднее станет твердить их наизусть» [2. Т. 1. С. 198].

Жуковский, в свою очередь, получив от кн. Дондукова-Корсакова письмо (от 30 марта 1837 г.) о назначении двух цензоров, в письме к Николаю I высказывает тревогу о предполагаемом цензурном пересмотре напечатанных сочинений Пушкина, поскольку, как пишет Жуковский, «узнал, что к цензору Никитенко, коему передан был доставленный мною экземпляр для одобрения, присоединен другой цензор Крылов и с тем, чтобы все напечатанные сочинения Пушкина, уже Вашим Величеством одобренные, он бы пересмотрел снова <...>» [3. С. 430]. В своем послании Жуковский приводит аргументы, совпадающие с доводами Никитенко. Жуковский пишет: «<...> если новый пересмотр сочинений Пушкина будет сделан с тем, чтобы в новом издан<ии> исключить некоторые места, могущие показаться цензорам, несмотря на Ваше одобрение, непозволенными, то эта мера (вот ее неприличие) произведет действие совершенно противное тому, какое произвести бы ей следовало. Пушкина сочинения у всех в руках; публика узнает о сделанных исключениях, если такие найдутся, теперь устарелые и незаметные в числе прочих, получают вдруг цену новости, на них особенно обратится любопытство читателей с злорадностью превратных толков <...>» [3. С. 430].

31 марта, как пишет в «Дневнике» Никитенко, «В.А. Жуковский мне объявил приятную новость: Государь велел напечатать уже изданные сочинения Пушкина без всяких изменений. Это сделано по ходатайству Жуковского» [(2. Т. 1. С. 199)].

Итак, Никитенко был активным участником важного этапа работы, когда определялась стратегия цензуры в отношении посмертного издания сочинений Пушкина.

По всей вероятности, письмо № 1 было написано Жуковским Никитенко 29 марта 1837 года, после назначения Никитенко цензором издания (24 марта), но до получения письма от кн. Дондукова-Корсакова (от 30 марта 1837 г.) с сообщением о назначении второго цензора. Считая вопрос о цензорстве благополучно решенным, Жуковский, по всей видимости, 29 марта (понедельник) пишет письмо Никитенко с приглашением посетить его.

№ 1

**Милостивый Государь
Александр Васильевич.**

Прошу вас оказать мне честь ко мне пожаловать. Имею необходимость переговорить с вами о весьма важном для меня деле. Вы очень меня обяжете, если пожелаете ко мне или завтра (вторник) или послезавтра в исходе десятого часа по утру.

Честь имею быть с совершенным почтением,

**Милостивый Государь,
Вашим**

**покорным слугою
Жуковский.**

Понедельник (1. Л. 5).

На обратной стороне листа (1. Л. 5 об.) адрес: **«Его Высокоблагородию Александру Васильевичу Никитенко В Хлебном Переулке у Владимирской, в доме Храповицкой»**. Бумага – темно-голубая, 10,5 x 12. Письмо заклеено маркой темно-голубого цвета, печатка – красный сургуч в виде «фонаря». Вверху листа сделана помета, вероятно, рукою Никитенко: «Быть в середине».

Стиль письма, характер обращения отличаются торжественностью и важностью официального тона, означавшего приглашение по чрезвычайно важному делу. На возможность датировать письмо 1837 г. предположительно указывает адрес, по которому Жуковский отправляет письмо: Хлебный переулок в районе Владимирской площади – место проживания бедной петербургской интеллигенции, в том числе молодых писателей. В 1840–1841 гг., когда Жуковский снова обратится к Никитенко, тот будет жить на Малой Итальянской улице, в более престижном районе Петербурга. Отметка на письме: «Быть в середине» соотносится с записью в Дневнике Никитенко от 31 марта (среда) 1837 г. о встрече и разговоре с Жуковским: «31. В.А. Жуковский мне объявил приятную новость: государь велел напечатать уже изданные сочинения Пушкина без всяких изменений. Это сделано по ходатайству Жуковского. Как это взбесит кое-кого. Мне жаль князя, который добрый и хороший человек: министр Уваров употребляет его как орудие» [2. Т. 1. С. 199].

Следующие два письма (№ 2 и 3), в которых упоминается имя Моро де Бразе, можно датировать апрелем 1837 г.

Оба письма написаны непосредственно перед отъездом Жуковского в путешествие с великим князем по России.

№ 2

Уведомьте, прошу вас, меня о судьбе Моро де Бразе. Не забудьте, что я через неделю уезжаю; мне надобно кончить с этим отрывком для «Современника». Попросите Крылова, чтобы также его пересмотрел, ибо он будет помещен во II или III № журнала.

**Преданный вам
Жуковский (1. Л. 9).**

В письме речь идет об ожидаемом Жуковским цензорском разрешении печатать пушкинские «Записки бригадира Моро де Бразэ», написанные в 1835 г., представленные государю и тогда получившие отказ на просьбу о печатании. «Записки Моро де Бразэ» – перевод отрывка о неудачном Прутском походе Петра I из мемуаров гр. Моро де Бразэ, находившегося на службе в русской армии и принимавшего участие в этом походе. Свой перевод Пушкин предварил Предисловием, в котором назвал мемуары Моро де Бразе «важным историческим документом, который не должно смешивать с нелепыми повествованиями иностранцев о нашем отечестве» [4. Т. 8. С. 349], и сопроводил примечаниями. Пушкинские «Записки Моро де Бразэ» как художественно-публицистическое произведение вносило в характеристику Петра I новые, критического содержа-

ния оценки, в частности касающиеся вопросов недостаточной подготовленности и продуманности в проведении Прутского похода [5].

В конце марта 1837 г. Жуковский обратился с просьбой к государю «взглянуть на манускрипт» и получил в ответ резолюцию: «Записки» «любопытны, но, может быть, цензура кое-что не пропустит, почему полагаю, нужно туда и препроводить» [З. С. 436]. 2 апреля Жуковский обратился по поводу этих «Записок» к председателю С.-Петербургского цензурного комитета с просьбой «манускрипт» «отдать для прочтения цензору Никитенко» [З. С. 436], на что получил ответ 4 апреля (воскресенье), что «рассмотрение их («Записок». – Э.Ж.), согласно желанию вашему, поручено мною цензору Никитенко» [З. С. 436].

Указанное в письме № 2 путешествие по России («через неделю уезжаю») начиналось 2 мая, хотя первоначально отъезд намечался на 3 мая. Таким образом, письмо, написанное за неделю до отъезда, можно датировать 25 апреля 1837 г.

В следующем письме, ввиду приближающегося отъезда, сказалось обеспокоенность Жуковского затягиванием цензурного разрешения.

№ 3

Что же сделалось с Моро де Бразе, любезный Александр Васильевич. Я послезавтра еду. Нельзя ли мне получить его завтра? Часов в двенадцать утра? или в десять лучше бы еще?

**Преданный вам
Жуковский.**

Суббота (1. Л. 15).

«Суббота» накануне отъезда («послезавтра») – это 1 мая 1837 г., следовательно, письмо № 3 можно датировать этим числом.

1837 г. был периодом особенно интенсивных отношений Жуковского и Никитенко. В 1837 г. Жуковский дарит ему «Ундину», цензором которой был А.В. Никитенко (ценз. разр. 5 сентября 1835 г., напеч. в 1837 г.). Эта книга с дарственной надписью «Александрю Васильевичу Никитенко от автора» хранится в библиотеке А.В. Никитенко, находящейся в фонде редких книг Томского государственного университета.

Второй этап участия Никитенко в издании сочинений Пушкина представлен письмами (№ 4 и 5), относящимися к февралю 1840 г.

№ 4

Очень сожалею, что вы нездоровы, любезнейший Александр Васильевич. Прошу вас, как скоро будет возможно, сделать мне честь со мною повидаться; хорошо, когда бы это могло быть поскорее и не позже, чем в 9 часов утра, чтобы вернее застать меня. Буду вас ожидать. Я уезжаю во вторник на второй неделе.

**С искренним почтением преданный вам
Жуковский (1. Л. 11).**

(Адрес: «Его Высокоблагородию Милостивому Государю Александру Васильевичу Никитенко» (1. Л. 12 об.).

№ 5

Вы сделаете мне большое одолжение, почтеннейший Александр Васильевич, если возьмете на себя труд пожаловать ко мне в понедельник часов в девять утра. Надобно о некоторых вещах переговорить с вами. Прошу вас между тем прислать мне и те тома манускриптов сочинений Пушкина, кот[орые] теперь у вас; я их вам возвращу в понедельник.

Преданный вам

Жуковский (1. Л. 16).

Зимой 1839–1840 гг., возвратившись из путешествия по России и Европе, Жуковский был занят подготовкой издания новых томов пушкинских сочинений, в том числе ранее не публиковавшихся.

Датировку писем подсказывают дневниковые записи Никитенко. 11 января 1840 г. он делает краткую запись: «Я болен» [2. Т. 1. С. 219]. По-видимому, болезнь была длительной, потому что и в записи более чем через месяц (24 февраля) сохраняются отзвуки этого состояния: «Всё это время жилось вяло и хило, а следовательно, и бесполезно» [2. Т. 1. С. 219].

Ситуация изменилась 26 февраля (понедельник): «Мне лучше. Я еще не мог читать лекции, но ездил к Жуковскому, который на будущей неделе отправляется с наследником за границу и просил меня побывать у него поскорее. Он отдал мне на цензуру сочинения Пушкина, которые должны служить дополнением к изданным уже семи томам. Этих новых сочинений три тома. Многие стихотворения уже были напечатаны в «Современнике». Жуковский просит просмотреть все это к субботе. Тяжелая работа. Но надо ее исполнить» [2. Т. 1. С. 219]. Предположительно письмо № 4 могло быть написано 25 февраля 1840 г., т.е. до понедельника, 26 февраля, когда резко изменилось настроение Никитенко в связи со встречей с Жуковским. Никитенко, судя по сказанному в «Дневнике», должен был прочитать материалы к субботе, т.е. ко 2 марта. В письме № 5 Жуковский уточняет время встречи – «понедельник» (т.е. 4 марта, день накануне отъезда), но просит заранее передать ему «те тома манускриптов Пушкина», которые были переданы ранее Никитенко. Возможно, желая исполнить просьбу Жуковского, цензор сам доставил «манускрипты», т.е. посетил Жуковского в среду 28 февраля, о чем написано в «Дневнике»: «28. Опять был у Василия Андреевича. Застал его больным. Разговор о литературе. Он прочел мою характеристику Батюшкова и очень хвалил ее. «Вы успели сжато и метко выразить в ней всю суть поэзии Батюшкова, – сказал он» [2. Т. 1. С. 219]. В записи от 28 февраля Никитенко передал слова Жуковского по поводу того, что «Отечественные записки», которые «превозносят до небес, но так неловко, что это уже становится нелестным», а также замечание поэта относительно того, что многие его считают «поэтом уныния», между тем как он «очень склонен к веселости, шутливости и даже карикатуре». Записал Никитенко и сетования Жуковского относительно «торгового направления нашей литературы» [2. Т. 1. С. 220]. Таким образом, письмо № 5 могло быть написано 27 февраля 1840 г.

Содержание писем Жуковского, доверительный тон беседы на важные для поэта и цензора темы позволяют говорить о близости и взаимопонимании

их в вопросах современного состояния русской литературы, в отношении к А.С. Пушкину, во взглядах на цензуру, в неприятии С.С. Уварова. Жуковский ценил в Никитенко образованного профессионала-цензора, профессора словесности, честного человека, преданного русской литературе. И при первой нужде в цензорской поддержке при издании сочинений близких Жуковскому людей в конце 1840 г. он обратился к Никитенко.

В 1839–1840-х гг. по инициативе В.А. Жуковского его племянницы – Авдотья Петровна Елагина и Анна Петровна Зонтаг (урожденные Юшковы) – приступили к осуществлению проекта переводов и издания «Библиотеки сказок», которая должна была открываться «Тысячью и одной ночью» [6. С. 457–479]. Жуковский взял на себя организацию издания этой «Библиотеки» и 2 марта 1840 г. заключил договор с А.Ф. Смирдиным, по условиям которого Жуковский «обязуется до окончания издания доставлять ему (Смирдину. – Э.Ж.) переводы, избирая для них переводчиков. «Библиотека сказок» должна состоять: 1-е. Из русских сказок. 2-е. Из сказок европейских народов. 3-е. Из сказок восточных народов: Тысяча одной ночи, Тысяча одного дня и других» [7. Л. 1–1 об.]

Собираясь в заграничное путешествие (5 марта 1840 г.), Жуковский перед отъездом снабдил А.П. Елагину русскими и иностранными книгами, связанными с «Тысячью и одной ночью», а также выслал «Русские сказки», которые были им «отысканы в оставшихся после Пушкина бумагах» [6. С. 465]. Ведение издательских дел «сказок» со Смирдиным Жуковский попросил осуществлять в Петербурге П.А. Плетнева.

Письма к Никитенко по поводу «Библиотеки сказок» относятся к ноябрю–декабрю 1840 г., когда Жуковский, готовясь к поездке в Германию, где его ждала невеста, собиравшаяся в январе 1841 г. съездить в Москву, чтобы проститься с родными и друзьями.

Еще в августе 1840 г. Плетнев писал Жуковскому в Дюссельдорф о неисполнении Смирдиным условий договора: «Смирдин ужасный негодяй. Увидев, что я денег Анны Петровны ему не подарил, он, против заключенного с вами контракта, не берет от меня рукописи ни Анны Петровны, ни Авдотьи Петровны, так что я не знаю, уж не напрасно ли они трудятся. Он чувствует, что я не допущу его печатать их переводов, пока он каждой из них по условию не выдаст по тысяче рублей, чего ему и не хочется» [8. Т. 3. С. 535]. Жалобы на Смирдина П.А. Плетнев повторил и в письме от 3 сентября 1840 г.: «Смирдин не принял от меня рукописи Авдотьи Петровны и Анны Петровны. Он желает приступить к их изданию только при вашем возвращении. Дело в том: приняв рукописи, надобно внести тотчас же две тысячи рублей. Он же по опыту знает, что чужими деньгами я не шучу. Вас же он надеется умаслить» [8. Т. 3. С. 537].

Возвратившийся в Петербург Жуковский пишет Плетневу в конце ноября (26 числа): «Смирдин не отказывается от сказок, только требует, чтобы они были отданы в цензуру. Пришлите мне оригиналы поскорее. Да где живет Никитенко и как его именуют» [8. Т. 3. С. 537].

Вероятно, получив ответ с указанием адреса, Жуковский отправляет Никитенко письмо (№ 6) с просьбой о встрече по поводу «некоего дела»:

№ 6

Милостивый государь Александр Васильевич.

Не можете ли сделать мне большого одолжения повидаться со мной? Нужно опять попросить вас о некоем деле. Я всегда дома до 10^{ти} часов утра. Не рано ли это для вас? В таком случае скажите, когда могу застать вас. Сам к вам заеду. Живу в доме Таля или доктора Фольборта на Невском проспекте против Малой Морской.

С совершенным почтением

Искренне преданный вам
Жуковский (1. Л. 5)

На конверте: «Его Высокоблагородию Александру Васильевичу Никитенко

<1 нрзб.> на Итальянской улице в доме Щелкунова (1. Л. 6 об.).

Свой новый адрес называет Жуковский в письме 1839 г. А.А. Краевскому: «<...> живу уже поближе к земле [«Ранее Жуковский жил в верхнем этаже Зимнего Дворца» [*примеч. ред.*], в доме доктора Фольборта, бывшем Таля, на Невском проспекте, против Малой Морской» [9. С. 105].

В «Дневнике» Жуковского 30 ноября (суббота) 1840 г. сделана запись: «У меня Никитенко. Печальные вести об университете» [10. Т. 14. С. 229]. В своем «Дневнике» в записи от 30 ноября 1840 г. Никитенко рассказывает о «смуте» в студенческой среде, в частности о безобразном поведении студентов на лекциях профессора М.С. Куторги [2. Т. 1. С. 225–226]. По-видимому, при этой встрече Жуковский передает Никитенко рукописи «сказок» для получения цензурного разрешения. Таким образом, письмо № 6 можно датировать промежутком между 26 и 30 ноября 1840 г.

Два следующих письма (№ 7 и 8) – это напоминание Жуковским Никитенко о «сказках» и просьба ускорить их продвижение в цензуре.

№ 7

Любезнейший Александр Васильевич, прошу вас покорнейше вспомнить о моих манускриптах сказок.

Я должен ехать к новому году в Москву и хотел бы иметь их до отъезда заблаговременно в руках, дабы успеть кончить с Смирдиным. Прошу вас, как это возможно, поспешить их мне возвратить с добрым паспортом.

С совершенным почтением
преданный вам

Жуковский (1. Л. 13).

Следующее письмо написано непосредственно перед отъездом в Москву, который состоялся 8 января 1841.

№ 8

Я опять к вам с просьбою, любезнейший Александр Васильевич. Не могли <бы> поскорее освободить мои манускрипты от интереса цензурного?

Кажется, в них не может ничего встретиться, что могло попасть цензуре на зубок. Я еду на днях в Москву и желал бы кончить судьбу этих манускриптов с Смирдиным до отъезда.

С совершенным почтением

преданный вам

Жуковский (1. Л. 3).

Таким образом, учитывая дату отъезда – 8 января 1841 г., письмо № 7 следует датировать декабрем 1840 г., а письмо № 8 – началом января (до 8 января) 1841 г.

Последнее из писем Жуковского к Никитенко (№ 9) написано 12 апреля 1841 г. – этим письмом завершается драматическая история освобождения матери (Екатерины Михайловны) и брата (Григория Васильевича) Никитенко из крепостного состояния. Решающее значение в освобождении родственников Никитенко сыграло участие Жуковского.

№ 9

Любезнейший Александр Васильевич.

Посылаю вам ответ, полученный мною несколько дней назад от графа Шереметева. Недолго теперь это дело докончить и, кажется, нельзя иначе как мне обратиться к Апрелеву. На это надобно наставление от вас.

Прошу ко мне заглянуть. Теперь я живу у гр. Виельгорского в доме Кутузова близ Михайловского театра. Всего вернее застать меня в 10 часов утра. Возвращаю письмо графа Шереметева; сие надобно будет послать к Апрелеву.

**Преданный вам
Жуковский.**

12 апреля (1. Л. 1–1 об.).

В записи от 11 марта 1841 г. Никитенко почти с отчаянием пишет о неудачах, преследующих его в деле освобождения матери и брата из крепостной неволи гр. Д.Н. Шереметева. Надежда у него остается только на Жуковского: «Жду с нетерпением приезда из Москвы Жуковского: может быть, его влияние в состоянии будет что-нибудь сделать...» [2. Т. 1. С. 230]. Визит к Жуковскому дает ему надежду, о чем Никитенко пишет 23 марта: «Сегодня был у Жуковского и просил его содействия по делу о моей матери и брате. Он с негодованием слушал мой рассказ о моих неудачных попытках по этому случаю и открыто выражал свое отвращение к образу действий графа и обусловливавшему их порядку вещей. Василий Андреевич обещался пустить в ход весь свой кредит» [2. Т. 1. С. 230]. В дневнике Жуковского 24 марта 1841 г. сделана запись: «Заезжал к Канкрину, к Шереметеву» (10. Т. 14.

С. 251). Возможно, во время этого визита поэт обращался с просьбой о родственниках Никитенко к графине А.С. Шереметевой, о чем он упоминает в письме к гр. Шереметеву от 5 апреля 1841 г. [11. С. 347].

В письме к графу Шереметеву Жуковский характеризует А.В. Никитенко как «заслуженного профессора, пользующегося всеобщим уважением и уже имеющего имя в литературе», как «своего приятеля», «человека, достойного уважения и полезного Отечеству», а потому просит «о даровании свободы и матери, и брату профессора» [11. С. 347–348].

После получения благоприятного ответа Жуковский 12 апреля отправляет Никитенко письмо (№ 9), а 14 апреля Никитенко записывает в «Дневнике»: «Дело о матери моей и брате кончилось так хорошо только благодаря вмешательству Жуковского. Да благословит его Бог! Сегодня я был у него и благодарил его» [2. Т. 1. С. 231]. В свою очередь Жуковский делает запись в своем дневнике: «13(25). Воскресение. <...> Утром у меня <...> Никитенко, которого родные получили свободу» [10. Т. 14. С. 255].

Это последнее из известных писем Жуковского к Никитенко. «Дневник» Никитенко сохранил информацию о продолжающейся связи поэта и цензора после 1841 г. Так, запись от 10 мая 1843 г. касается издания «Наля и Дамаянти»: «Жуковский передал мне на цензуру свою новую пьесу «Наль и Дамаянти», эпизод из индейской поэмы «Магабараты». Что сказать о ней? Гекзаметры прекрасны; свежий, роскошно благоухающий язык. Но фантастическое здание поэмы не сразу может прийти по вкусу нашим европейским требованиям» [2. Т. 1. С. 266]. В «Дневнике» запечатлены факты участия Никитенко в посмертной судьбе Жуковского: с 1855 г. он был членом комитета под председательством графа Д.Н. Блудова для рассмотрения посмертных сочинений поэта, принимал участие в обсуждении примечаний Блудова к поэме «Агасфер», присутствовал при открытии памятника Жуковскому (2. Т. 1. С. 423, 443).

Наиболее полно отношение Никитенко к Жуковскому выражено в написанной им в 1852 г. и опубликованной в 1853 г. статье «Василий Андреевич Жуковский, со стороны его поэтического характера и деятельности» [12]. Статья получила положительные оценки современников. Так, по словам Никитенко, с благодарностью о статье отозвался П.А. Плетнев: «Вы попали прямо в суть дела, – сказал он мне, – и превосходно определили Жуковского со всех сторон. Особенно хорошо определены у вас отношение его к обществу. Я сам старался везде показывать, что деятельность писателя есть гражданская заслуга» [2. Т. 1. С. 357–358].

В своей статье Никитенко определял деятельность Жуковского как «полувековой подвиг во имя благороднейших и драгоценнейших польз и стремлений человеческого духа» [12. С. 1] и подчеркивал значение эстетического воздействия его поэзии на нравственное состояние русского общества: «Творения Жуковского были школою вкуса, в которой вместе с чистыми понятиями о прекрасном мы все, в лучшую, плодотворнейшую пору жизни, почерпали светлые идеи о достоинстве и назначении жизни» [12. С. 36]. На основе анализа «поэтической идеальности» Жуковского, сказавшейся в выборе нравственно и общественно значимых тем, в языке, в своеобразии лиризма, Никитенко раскрыл творческий и созидательный характер сочинений поэта,

рассмотрев их в большом контексте русской литературы от Ломоносова и Державина до Пушкина и Гоголя. В статье наряду с теоретическими размышлениями и академическим разбором художественных достоинств поэзии сказалось глубоко личное, взволнованное отношение Никитенко к Жуковскому, продиктованное памятью сердца о совместной деятельности, где на первом плане значилась история посмертного издания сочинений А.С. Пушкина. Знаменательно, что статья Никитенко открывалась эпитафией – пушкинскими стихами, посвященными В.А. Жуковскому:

Его стихов пленительная сладость
 Пройдет веков завистливую даль;
 И внемя им, вздохнет о славе Младость,
 Утешится безмолвная Печаль
 И резвая задумается Радость [12. С. 1].

Литература

1. *ОР ИРЛИ*. №. 18529. Л. 1–17 с об.
2. *Никитенко А.В.* Дневники: в 3 т. М., 1955–1956.
3. Цит. по статье: *Березкина С.В.* Жуковский в делах Опекы над детьми и имуществом Пушкина // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 1. Томск, 2010. С. 414–441.
4. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. М., 1977.
5. *Карпов А.А.* «Записки бригадира Моро де Бразэ» как произведение Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1980. С. 103–114.
6. *Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной*, 1813–1852. М., 2009.
7. *ОР ИРЛИ*. №. 16005. Л. 1–1 об.
8. *Плетнев П.А.* Сочинения и переписка: в 3 т. СПб., 1885.
9. *Русская старина*. 1901. № 7.
10. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 1999–2011.
11. *Русский архив*. 1883. № 2.
12. *Никитенко А.В.* Василий Андреевич Жуковский, со стороны его поэтического характера и деятельности // Отечественные записки. 1853. Т. 86, отд. 2. С. 1–36.